

Развитие человеческого капитала

Коллектив авторов
Развитие
человеческого капитала
Серия «Россия: вызовы
модернизации. Социальная политика»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19452590
Развитие человеческого капитала: Дело; Москва; 2013
ISBN 978-5-7749-0774-8

Аннотация

В предлагаемом читателю сборнике продолжается обсуждение возможных развилок и вариантов российской социальной политики – проблем, существующих в образовании, здравоохранении и культуре, оказавшейся вне рамок Стратегии-2020, но без которой нельзя обеспечить развитие человеческого капитала. Большое внимание уделено формированию в России среднего класса, его требованиям к качеству образования и медицинского обслуживания, к организации пенсионной системы.

Особое место занимает освещение проблемы бедности, выступающей барьером для социального и экономического развития страны, а также вопросов, связанных с проведением

пенсионной реформы, целью которой является не только обеспечение достойной старости, но и договора поколений, изменения экономического поведения.

Для широкого круга читателей, интересующихся проблемами социальной политики и развития человеческого капитала в России.

Содержание

Вместо введения. Новые задачи социальной политики	7
В. А. Мау. Человеческий капитал – вызовы для России[1]	9
1. Поиск национальных приоритетов	9
2. Современные особенности отраслей человеческого капитала	15
3. Проблемы профессионального образования	21
4. Современное здравоохранение	32
5. Перспективы пенсионной системы	38
Раздел первый. Образование: непрерывная реформа	49
А. Е. Волков, Д. В. Ливанов. Университет будущего: ставка на новое содержание	51
Ключевые тренды новой парадигмы высшего образования	53
Университеты следующего поколения	54
Новые правила игры в образовательном пространстве	57
П. В. Дуров. Семь элементов системы образования XXI века	60
Как же будет выглядеть система	62

образования будущего?

Обучение через интерактивные лекции у
лучших учителей 62

Обучение через игровые симуляторы 64

Обучение через интерактивные
аудиовизуальные тесты 66

Обучение через локальное и глобальное
соревнование 68

Обучение в ходе просмотра массового
кино 69

Обучение через погружение в игровой
мир 71

Децентрализация и дестандартизация
системы образования 73

С. М. Гуриев, О. Цывинский. Высокодоходная
личная инвестиция 76

Конец ознакомительного фрагмента. 81

Развитие человеческого капитала

© ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2013

Вместо введения. Новые задачи социальной политики

Наряду с безусловной реализацией своих традиционных задач, направленных на поддержку наиболее незащищенных групп населения, новая социальная политика должна полнее **учитывать интересы тех слоев общества, которые способны реализовать потенциал инновационного развития.** Она призвана создавать комфортные условия для реализации такого потенциала и соответствовать более высоким социальным стандартам. С экономической точки зрения, это представители **среднего класса**, доходы и социальные установки которых позволяют им **выбирать** модели трудового поведения и потребления. С культурной точки зрения, это люди с высшим образованием, относящиеся к **креативному классу** (по меньшей мере, потенциально). Такой подход не означает отказа от борьбы с бедностью, которая остается серьезным вызовом социальной стабильности, но позволяет сбалансировать это направление усилиями, связанными с целями развития.

Именно в области человеческого капитала сосредоточены, если не брать в расчет природные богатства, основные социально-экономические преимущества России в глобальной экономике. Пока этот ресурс неосмотрительно растра-

чивается: Россия является поставщиком идей и мозгов для других стран. В будущем межстрановая конкуренция за людей и разрабатываемые ими новые идеи и технологии станет значительно более острой, чем конкуренция за финансовые и природные ресурсы, поэтому преодоление отставания в этих областях становится особенно актуальным.

Стратегия-2020

В. А. Мау. Человеческий капитал – вызовы для России¹

1. Поиск национальных приоритетов

Длившаяся с самого начала посткоммунистической истории России дискуссия о национальных приоритетах близка к своему завершению. Понимание ключевой роли для страны секторов, связанных с развитием человека (человеческого капитала, человеческого потенциала), становится практически консенсусным.

Для нашего общественного сознания это огромный шаг вперед. Во-первых, сам по себе факт широкого общественного согласия по ключевому вопросу развития страны является исключительно важным для окончательного преодоления наследия полномасштабной революции, через которую мы прошли в конце XX в. Революция несет в себе раскол по базовым ценностям, и преодоление этого раскола занимает очень продолжительный период времени – гораздо больший, чем собственно радикальная революционная ломка системы.

¹ Автор благодарит Т. Л. Клячко, А. Ю. Левицкую, В. С. Назарова и С. Г. Синельникова-Мурылева за ценные комментарии, высказанные при работе над статьей.

Во-вторых, и это надо подчеркнуть особо, приоритетность человеческого капитала означает, что общество осознает постиндустриальный характер стоящих перед ним вызовов, т. е. обращается в поиске модели своего развития не к прошлому, а к будущему. Действительно, еще не так давно дискуссия относительно национальных приоритетов вращалась в основном в кругу традиционных сюжетов прошлого века. Авиастроение, машиностроение, судостроение, электроника, сельское хозяйство и другие отрасли назывались политиками и экономистами в качестве приоритетов развития страны и, главное, приоритетов бюджетных расходов. Только в середине 2000-х гг. произошел разворот внимания элиты к проблемам человеческого капитала. Прежде всего речь шла об образовании и здравоохранении, к которым позднее была добавлена пенсионная система. Ключевая роль этих секторов в дальнейшем развитии России была впервые подробно обоснована Е. Гайдаром в начале 2000-х². Инициированные в 2005 г. В. Путиным и Д. Медведевым «приоритетные национальные проекты» политически закрепили эту роль.

Этот вызов не является специфически российским. Формирование современной, эффективной системы развития человеческого потенциала является актуальной проблемой для всех наиболее развитых стран современного мира. Постиндустриальные вызовы с их демографическими проблема-

² Гайдар Е. Т. Долгое время // Е. Т. Гайдар. Собрание сочинений. М.: Изд. дом «Дело», 2012. Т. 3. Гл. 12 и 13.

ми привели к кризису традиционного «государства всеобщего благосостояния» и поставили перед многими странами задачу глубокой трансформации их социальной сферы. Сейчас, когда процесс старения населения приобрел устойчивый характер, а спрос на социальные услуги неуклонно возрастает, необходимо создать радикально новую модель социального государства. Иными словами, Россия столкнулась не с проблемами кризиса советской социальной системы, а с гораздо более глубокой проблемой кризиса индустриального общества. Поэтому поиск и создание новой модели социальной политики относится не к области догоняющего развития, а является общей проблемой для всех развитых стран мира, к которым по этому критерию относится и Россия. Сам же крах советской системы стал результатом кризиса индустриальной системы с характерными для него институтами социального государства (welfare state).

Поэтому поиск оптимальной модели развития человеческого капитала в минимальной мере может учитывать существующий в мире опыт – эффективных систем, соответствующих современным вызовам, просто не существует. Более того, страна, которая сможет сформировать современную эффективную модель развития человеческого капитала, получит мощное преимущество в постиндустриальном мире³.

³ Строго говоря, поиск эффективного решения современных социальных проблем является важнейшим фактором решения как раз задач догоняющего разви-

Традиционное (индустриальное) понимание этих секторов сводит их к отраслям социальной сферы. При всей важности их социального аспекта в современных развитых странах отрасли человеческого капитала представляют собой зону переплетения и взаимодействия не только социальных, то также фискальных, инвестиционных и политических проблем. В отличие от ситуации конца XIX и большей части XX в., образование, здравоохранение и пенсионирование касаются всего населения (и как налогоплательщика, и как потребителя соответствующих благ), причем демографический кризис еще более обостряет эту ситуацию. В результате отчисления на развитие этих отраслей становятся существенной проблемой государственного бюджета, способной подорвать финансовую стабильность любой развитой страны. Кроме того, отчисления на эти цели носят долгосрочный характер, т. е. они в значительной мере формируют инвестиционные ресурсы нации. Наконец, от эффективности функ-

тия. Такой подход находится в логике представлений А. Гершенкрона, рассматривавшего в самой отсталости фактор ускоренного развития. (См.: *Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective* // A. Gerschenkron. *Economic Backwardness in Historical Perspective*: Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1962). Суть этого подхода состоит в том, что более отсталые страны могут позволить себе не повторять путь передовых, а использовать от них уже готовые технологии и институты. Применительно к современной ситуации можно предположить, что способность России найти наиболее эффективные институты развития человеческого капитала (в условиях общего кризиса в этой сфере) даст стране значительные сравнительные преимущества в решении задачи сокращения экономического отставания от наиболее развитых стран.

ционирования этих секторов зависит политическая и социальная стабильность общества с доминированием городского населения.

Развитие человеческого капитала предполагает решение как финансовых, так и структурных проблем. Финансовые ориентиры можно измерить при сопоставлении расходов в России со странами сопоставимого или более высокого уровня экономического развития, в частности, со странами ОЭСР. При таком сопоставлении видно, что Россия расходует меньше, чем в ОЭСР, на образование примерно на 1,5–2, а на здравоохранение – на 3–4 % ВВП.

Развитие человеческого капитала предполагает решение двух крупных групп вопросов. С одной стороны, выделение дополнительных бюджетных ресурсов на поддержку работников соответствующих отраслей и групп населения. С другой стороны, осуществление структурных реформ в соответствующих секторах. Две названные группы действий неотделимы друг от друга. Было бы политически опасно и экономически неэффективно решать одну задачу при игнорировании другой. Однако риски такого развития событий весьма существенны.

Повышение зарплат врачей и учителей, инвестиции в оборудование и тому подобные финансовые решения являются предпосылкой решения ряда назревших проблем, но и не достаточным условием. Качество образовательных и медицинских услуг связано не только с уровнем оплаты, но с повыше-

нием эффективности функционирования соответствующих систем. Поэтому будет нежелательно, если реформа социального сектора завершится повышением бюджетных расходов, т. е. если первый шаг окажется и последним.

Рост финансирования без структурных реформ может дать даже отрицательные результаты. Более высокая зарплата приведет не к обновлению персонала, а к консервации кадров, сохранению тех врачей и учителей, которые давно потеряли квалификацию и не станут лучше лечить и учить, даже если им поднять зарплату в сто раз. Увеличение расходов на оборудование часто приводит лишь к тому, что закупается оно по завышенным ценам и не то, которое действительно необходимо для больниц и лабораторий. Точно так же, как увеличение финансирования жилищного строительства при нынешнем уровне монополизации рынка строительных услуг ведет к взвинчиванию цен и обогащению локальных монополистов.

Словом, увеличение финансирования секторов человеческого капитала в 2000-е гг. было только первым и не самым важным шагом на пути подъема названных секторов. Институциональные реформы стоят здесь на первом месте, а за ними должны следовать и деньги. Это – первый принцип формирования современной модели развития человеческого капитала.

2. Современные особенности отраслей человеческого капитала

Однако недостаточно только указать на приоритетность институциональных аспектов развития человеческого капитала по отношению к финансовым. Теперь необходимо охарактеризовать особенности функционирования этих отраслей, присущие современному постиндустриальному обществу. Иными словами, не существует универсальных решений не только в экономической, но и в социальной сферах. Конкретные решения зависят как от уровня развития общества (его среднедушевого ВВП), так и от доминирующей в мире социально-экономической парадигмы.

Характер институциональных проблем отраслей человеческого капитала в современной России примерно соответствует проблемам, с которыми сталкиваются развитые страны, несмотря на существенно более низкий уровень среднедушевого ВВП. В значительной мере такая ситуация связана с наследием советского периода: демографическое, репродуктивное и гендерное поведение в развитой советской системе стало воспроизводить стандарты развитых стран⁴.

Можно выделить пять характерных черт (принципов функционирования) этих отраслей, которые необходимо

⁴ Эта особенность советской модели развития рассматривается в книге: *Гайдар Е. Т. Аномалии экономического роста*. М.: Евразия, 1997.

принимать во внимание при осуществлении их структурной модернизации. Эти особенности отражают характер современных технологий – их динамизм (быстрое обновление) и углубляющуюся индивидуализацию технологических решений.

Первое – непрерывный характер услуги. В прошлом образование было в значительной мере функцией возраста – человек до определенного возраста учился, а затем работал. А со здравоохранением имели дело только больные. Теперь же образование и здравоохранение оказываются востребованными на протяжении всей жизни, т. е. люди учатся и общаются с медициной на протяжении всей жизни.

Понимание работы и пенсии тоже существенно трансформируется. Снижение роли крупного производства и усиление роли сектора услуг вкупе с отказом от такого советско-индустриального реликта, как уголовное наказание за tuneядство, приводит к размыванию понятия пенсии и уж тем более возраста прекращения (или не прекращения) работы.

Второе – услуга приобретает все более индивидуальный характер. Человек все чаще будет выбирать собственные образовательные услуги и траектории и механизмы поддержания здоровья, из множества предлагаемых образовательных и медицинских услуг. Нетрудно заметить, что и пенсионный возраст постепенно становится предметом индивидуально-го решения – когда человек может и хочет прекратить свою

производственную деятельность. Применительно к пенсионной системе это будет означать существенную диверсификацию форм поддержки старших возрастов.

Третье – услуга приобретает глобальный характер. Образовательные и лечебные учреждения конкурируют не с соседними школами и больницами и даже не с соответствующими заведениями в стране, а во всем мире. Разумеется, этот выбор могут позволить себе не все, но по мере роста благосостояния людей и реального удешевления соответствующих услуг и транспорта в глобальную конкуренцию будет включаться все большее число людей. А наличие личных сбережений в условиях глобальной финансовой системы позволяет пенсионеру все менее зависеть от конкретной пенсионной системы своей страны.

Четвертое естественным образом вытекает из предыдущих трех особенностей – возрастает роль частных расходов на развитие человеческого капитала. Все первые три перечисленные выше характеристики означают усиление возможности людей покупать необходимые им услуги и, следовательно, роль и доля частного спроса будут расти, все более опережая объем государственных расходов в соответствующих секторах. Частные платежи или соплатежи являются не только естественным, но и прямо неизбежным следствием технологической модернизации секторов и роста благосостояния населения. Рост частных расходов связан также и с тем, что бурный рост государственных расходов наткнулся

к концу XX в. на естественную преграду – больше собирать налогов было нельзя, а потребности населения в услугах социального характера продолжали (и продолжают) расти по мере общественного прогресса.

Пятое – все более активную роль играют новые технологии, радикально изменяющие характер оказываемых услуг. По мере развития информационно-коммуникативных технологий и транспорта традиционные формы лечения и образования будут все более уходить в прошлое. Это же касается и организационных инноваций.

Учет всех названных особенностей формирует основу не только для модернизации отраслей человеческого капитала, но и для экономической и политической модернизации всей страны, включая ее технологическую базу.

Игнорирование перечисленных принципов создает риски консервации и усугубления отставания уровня социально-экономического развития России от развитых стран.

Глобализация резко обостряет конкуренцию, в том числе и институциональную конкуренцию на рынке человеческого капитала. В посткоммунистической России было довольно широко распространено мнение о высоком уровне развития человеческого капитала и особенно о высоком качестве отечественного образования и здравоохранения. Нередко утверждалось, что уровень развития человеческого капитала у нас выше, чем уровень экономического развития.

Таблица показывает, что ситуация не так оптимистична.

Если исходить из ранжирования экономического и социального развития, то по уровню конкуренции образование и здравоохранение примерно соответствуют уровню среднедушевого ВВП, однако качество (результативность) здравоохранения резко уходят вниз. Исправление такой ситуации является нетривиальной задачей.

Дело в том, что для формирования развитой системы современного образования или здравоохранения нужен спрос на качественную услугу в этих секторах. Так они и развивались до недавнего времени. Однако теперь взрывное развитие коммуникаций и связи резко снизили транзакционные издержки перехода от национальной системы соответствующих услуг к глобальной. Сейчас гораздо легче, чем **20** лет назад, поехать в любой университет (если человек способен сдать экзамены) и в любую клинику. Это стоит денег, но с экономическим ростом будет расти и благосостояние россиян, которые, как показывает опыт, готовы инвестировать в себя – в свое образование и здоровье.

Но если платежеспособный спрос на высококачественные услуги сосредоточивается в иностранных заведениях, страна лишается возможности наращивать качество собственных заведений. Хотя бы потому, что сюда будут приезжать те, кто живет у себя с еще худшим качеством образования и здравоохранения. Тем самым спрос на качественные услуги будет ограничен, а это значит, что ограниченным будет и их предложение. Таков главный стратегический вызов раз-

витию отраслей человеческого капитала, да и вообще перспективам российской модернизации.

Таблица. Отдельные показатели социально-экономического развития (рэнкинг) – уровень экономического развития и качество институтов

Показатель	Место России
ВВП на душу населения по ППС (РИА, 2011)	54
Конкурентоспособность экономики (World Economic Forum, 2011)	67
Конкурентоспособность высшего образования (Global Competitiveness in Higher Education, 2010)	50
Здоровье нации (The World's Healthiest Countries, 2012)	97
Продолжительность жизни (UNDP, HDR, 2011)	122
Медицинские расходы на душу населения по ППС (ВОЗ, 2009)	59
Качество институтов (World Economic Forum, 2011)	133
Коррупция (Corruption Perceptions Index, 2011)	143
Индекс развития человеческого потенциала (UNDP, HDR, 2011)	66

Отсюда следует второй принцип: модернизация страны требует не восстановления советской модели социального сектора, не «возвращения к истокам», а формирования качественно новой модели функционирования человеческого капитала, контуры которой мы только начинаем осознавать.

3. Проблемы профессионального образования

В России принято гордиться уровнем образования. Оно действительно неплохое, а по меркам среднеразвитой страны, только что осуществившей индустриализацию, оно было даже хорошим⁵.

Опираясь на опыт XX в. и на веру в универсальность советской модели, ее сторонники видят два коренных недостатка в сложившейся к настоящему времени модели профессионального образования. Во-первых, избыток специалистов с высшим образованием при недостатке среднего технического персонала. Во-вторых, неспособность готовить востребованных специалистов, причем востребованность измеряется количеством выпускников вузов, пошедших после его окончания работать по специальности. Формально оба тезиса справедливы, хотя, как это нередко бывает с очевидным фактом, он уводит от реальных проблем, а

⁵ Идеализация традиционной, сформировавшейся в условиях индустриализации, системы профессионального образования не является чертой исключительно российской. Вот как пишет об этом Х. Зиберт: «Немецкая университетская система, привлекавшая в XIX веке иностранных студентов и ученых..., сегодня оставляет желать много лучшего... Мне очень хотелось бы получить результаты обследования, сколько сыновей и дочерей немецких политиков, рьяно защищающих статус-кво нашей системы высшего образования, зачислены в элитные университеты США и Великобритании» (Зиберт Х. Эффект кобры. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, 2003. С. 191).

не способствует их осмыслению и разрешению.

Прежде всего современное образование является непрерывным и всеобщим – и задача университета состоит в том, чтобы дать возможность человеку учиться на протяжении всей жизни. Идеал советской трудовой модели – человек, окончивший вуз, пошедший работать по специальности и имеющий одну единственную запись в трудовой книжке, – не является в настоящее время не только пределом желаний для этого человека, но и желательной нормой поведения для общества и государства. За пять-шесть лет освоения высшего образования появляется большое число таких профессий, которых на момент поступления в вуз просто не существовало.

Динамизм современной экономики, в которой постоянно появляются новые сферы деятельности и профессии, требует постоянного изменения квалификаций, постоянного образования и адаптации к новым вызовам. Человек, который не способен постоянно учиться, оказывается в стороне от прогресса и никак не может считаться успешным. Всем, кто призывает оценивать вузы по числу выпускников, работающих по специальности, достаточно провести мысленный эксперимент и ответить на вопрос, много ли профессионально успешных и известных людей работает по специальности? В общем-то, довольно мало.

Качественно новые вызовы, стоящие перед современной системой профессионального образования, требуют его се-

рьезной институциональной модернизации.

Обеспечение непрерывности образования. Преобразование вузов из места для обучения молодых людей – после средней школы или армии – в заведение, предлагающее профессиональное образование для всех возрастов. Конечно, и в прошлом в университетах были программы дополнительного образования (профпереподготовки и повышения квалификации – так сказать, «программы для взрослых»), но они играли вторичную роль по отношению к собственно высшему образованию. Теперь структура университетских программ должна становиться гораздо более сбалансированной – и по возрастной структуре, и по разнообразию предлагаемых программ.

В этом отношении появление двухуровневого образования (бакалавриата и магистратуры) отвечает на требования времени, позволяя уточнять специализацию еще в период обучения в университете. Однако эта линия должна быть продолжена в виде различных программ поствузовского образования, имеющих государственное признание.

Сближение и переплетение программ различного уровня не означает игнорирования различия в возрасте и опыте обучающихся. При формировании программ и отборе слушателей важно различать программы для людей без производственного (и жизненного) опыта – pre-experienced, а также программы для людей с опытом – post-experienced. В некоторых случаях это достаточно очевидно – скажем, бакалаври-

ат точно не предполагает опыт, а в программах бизнес-образования или переподготовки госслужащих наличие опыта является условием для поступления на них. Но в ряде программ (например, в магистратуре) требование опыта не является очевидным, однако учет этого фактора существенно влияет на содержание программы.

Последнее тем более важно, что для слушателей с жизненным (производственным) опытом в образовательном процессе важно не только общение с преподавателем, но и с другими участниками учебной группы. Качество образования на программах продвинутого уровня в большой степени зависит от подбора участников учебной группы.

Всеобщее высшее образование. Еще одной особенностью постиндустриального общества является всеобщий спрос на высшее образование. Естественно, образование не может угнаться за спросом, удовлетворяя его не только количественно, но и качественно. Отсюда быстрый рост вузовского образования за счет ухудшения его качества. Нельзя сказать, что за последние двадцать лет высшее профессиональное образование в России ухудшилось. Хорошего образования, хороших университетов осталось примерно столько же – какие-то сохранили свои позиции, какие-то деградировали, но появились новые лидеры. В стране сохранились возможности учить очень хорошо примерно 20 % выпускников школ, как это и было в эпоху развитого социализма. Но поступает в вузы сейчас более 100 % от числа выпускников

школ⁶ – и, естественно, результатом становится вопиющее снижение среднего уровня качества.

Значит ли это, что необходимо ограничивать число вузов? Если люди хотят иметь диплом о высшем образовании, они должны иметь возможность его получить. Однако профессиональному сообществу и рынку труда нужны инструменты оценки качества специалистов. Нельзя сказать, что этого не существует – работодатели прекрасно знают, выпускники каких вузов чего стоят. К этому надо добавить в ряде отраслей профессиональный экзамен, выведенный за рамки самого вуза.

Другим направлением смягчения давления на университетское образование со стороны массового спроса может стать прикладной бакалавриат. Речь здесь идет об интеграции среднего профессионального образования в университетское. Это решение не должно быть универсальным, но с учетом всеобщего спроса на высшее образование не следует отвергать возможность интеграции части учреждений среднего профессионального образования в вузы, чем, по сути, и является прикладной бакалавриат. Он должен давать прикладное профессиональное образование (близкое к профессиональному колледжу), не требующее фундаментальных знаний. Однако его особенность состоит в том, что про-

⁶ Кроме выпускников школ, в вузы поступают выпускники учреждений начального и среднего профессионального образования, а также те, кто не поступил в них в прошлые годы.

граммы эти должны проводиться в рамках университета и быть частью вузовской программы, позволяющей в дальнейшем продолжить образование.

В исследованиях последнего времени обращается внимание на социально-политические риски утверждения всеобщего высшего образования, связанные прежде всего с завышенными карьерными и профессиональными ожиданиями многочисленных выпускников вузов, которые не соответствуют полученным квалификациям. Пока еще трудно оценить, насколько дестабилизирующим окажется этот фактор, однако появление прикладного бакалавриата могло бы сыграть свою роль в смягчении потенциальной напряженности.

Интернационализация образования. Хорошие российские университеты находятся в конкурентной среде, причем это глобальная, а не национальная конкуренция. Вузы конкурируют и за студентов, и за преподавателей. Это принципиально новое обстоятельство российской университетской жизни, к которому еще предстоит привыкать.

Хороший советский вуз мог всегда выбирать из студентов и преподавателей. Студентов привлекал бренд, преподавателей – бренд и зарплата. Сейчас ситуация коренным образом изменилось.

Три фактора – демографические тренды, открытость страны и заметный рост благосостояния – ограничивают приток студентов в российские вузы. Потенциальные студенты и слушатели могут выбирать на глобальном рынке и ре-

ально делают этот выбор. Это касается и собственно университетского образования, и разного рода дополнительных программ: крупные российские фирмы все чаще стимулируют своих сотрудников проходить обучение в зарубежных (западных) бизнес-школах. Аналогичным образом развивается конкуренция за профессоров, способных преподавать и вести исследования на мировом уровне.

Реагируя на вызовы глобализации, российские вузы поначалу пошли по пути импорта образования – стали реализовывать программы иностранных партнеров, предлагая в некоторых случаях их дипломы или сертификаты. Это был естественный первый шаг, аналогичный, кстати, логике формирования отечественного бизнеса.

Однако вместе с экономической и политической стабилизацией встала другая, более сложная и важная проблема: о способности российских университетов заниматься экспортом образования, т. е. привлекать иностранных студентов, становиться привлекательной площадкой для исследовательской работы зарубежных ученых⁷. Известно, что доля российских вузов на мировом рынке высшего образова-

⁷ Вопросы экспорта образования стали в последнее время привлекать внимание исследователей. См.: *Галичин В. А., Карпухина Е. А. и др. Академическая мобильность в условиях интернационализации образования. М.: Университетская книга, 2009; Агранович М. Л. и др. Интернационализация высшего образования: тенденции, стратегии, сценарии будущего. М.: Логос, 2010; Беляков С. А., Клячко Т. Л. и др. Экспорт образовательных услуг: анализ управленческих решений. М.: Изд. дом «Дело», 2011.*

ния невелика – порядка 2–3% в по численности иностранных студентов, причем китайские университеты уже обходят по этому показателю Россию.

Для усиления позиций страны на рынке образования необходимо прежде всего укреплять позиции английского языка, который по факту стал уже глобальным, особенно в науке, и становится таким в образовании. В Советском Союзе привлечение иностранных студентов предполагало обучение их первоначально русскому языку. В настоящее время укрепление позиций российского образования в мире требует неуклонного и существенного расширения программ, преподающихся на английском языке.

Разумеется, внедрение англоязычных программ не может быть искусственным и примитивным. Странной выглядит программа, в которой и преподаватель, и все студенты являются русскоговорящими, но общаются по-английски. Необходимо, чтобы в аудитории была критическая масса людей, не говорящих по-русски. Однако для привлечения их программа уже должна быть предложена по-английски.

К этому надо добавить формирование интернациональной среды в вузах, включая двуязычное оформление внутреннего пространства (указатели, объявления и т. п.).

Специальных усилий требует привлечение иностранных ученых. Отчасти эта задача стала решаться благодаря грантам российского правительства. Однако этого мало: университеты должны находить в своих бюджетах средства для со-

здания кафедр и лабораторий ученых с глобальной репутацией. Понятно, что проблема не только (и даже не столько) в деньгах – необходимо иметь интеллектуальные мотивы проведения исследований в России и с российскими коллегами. Предложить соответствующие аргументы – непростая задача для российского университета.

Интеграция науки и образования. В современном мире необходимо преодолеть характерное для советской системы жесткое разделение на вузы и НИИ. В условиях быстрого обновления знаний и технологий это разделение становится не только искусственным, но и контрпродуктивным. Университет – это место, где ведутся исследования, и только поэтому в этом месте еще и учат. Университет без исследований – это техникум или community college.

Индивидуализация образования. В настоящее время налицо усиление индивидуальных траекторий в образовании. Индивидуальные предпочтения проявляются не только и даже не столько в выборе учебного заведения, а в индивидуализации программ самого учебного заведения. Граждане и корпорации предъявляют свои, специфические требования к компетенциям, которые должна предоставить высшая школа.

Индивидуальный подход в наше время не приводит к выработке единственной уникальной программы для каждого данного человека – хотя и это возможно. Личная образовательная программа складывается как комбинация из боль-

шого числа модулей, предлагаемых образовательным учреждением. Именно возможность выбора из большого числа модулей является важным шагом на пути формирования индивидуальной образовательной траектории.

Набор модулей позволяет комбинировать программу не только во времени, но и в пространстве. Во-первых, прохождение учебных курсов можно растягивать, перемежая с практической работой, и уточнять требуемые модули в зависимости от производственных задач. Во-вторых, отдельные модули можно получать в других университетах, в том числе и зарубежных. Собственно на это и нацелен Болонский процесс в образовании. А это значит, что помимо индивидуализации траекторий необходима определенная международная координация университетских программ, позволяющая засчитывать курсы одного университета для получения степени в другом вузе. Международная аккредитация и взаимное (двустороннее и многостороннее) признание университетских курсов становятся условием дальнейшего развития профессионального образования.

Финансовая модель — усиление роли частных инвестиций (корпораций и физических лиц). Непрерывное, индивидуализированное и глобальное образование повышает роль частных доходов в этом секторе – и соответственно роль частных (личных) расходов при формировании образовательной стратегии человека. Усиление платности принято связывать с посткоммунистической трансформацией, со-

провождавшейся тяжелым бюджетным кризисом. На самом же деле произошло наложение двух кризисов – бюджетного и системного. Недаром преодоление бюджетного кризиса 2000-х гг. не привело к ослаблению роли частных денег в развитии образования. Напротив, поток средств от граждан и корпораций в образование усиливается. Естественно, средства направляются не только в традиционные сектора образования (среднее и высшее), но и в новые формы поствузовского (профессионального) образования.

Новые технологии. Современное образование все более будет уходить от традиционной формы передачи знаний в виде пассивного слушания лекций и сдачи экзаменов. Изменения связаны с бурным развитием информационно-коммуникативных средств и, по-видимому, будут происходить в двух основных направлениях.

С одной стороны, усиление роли активных методов образования, обеспечивающих эффективность освоения знаний и повышающих их практическую направленность. Здесь имеются в виду разного рода тренажеры, симуляторы, кейсы и особенно проектная работа.

С другой стороны, возрастает роль самостоятельного прохождения программ в режиме online. В настоящее время ведущие университеты стали активно выкладывать свои программы в Интернете в свободном доступе, предлагая всем желающим изучать их в качестве возможных в будущем слушателей этих программ. Разумеется, здесь не предполагается

ся получение (т. е. продажа) дипломов по Интернету, но стимулирование интереса к освоению новых программ и приглашение новых клиентов вуза к работе с ним.

Наконец, применительно к конкретным условиям современной России повышение качества профессионального образования требует *отказаться от всеобщей воинской обязанности*.

Призыв в армию является серьезным фактором, искажающим ситуацию на рынке образования; фактором, стимулирующим дополнительный спрос на высшее образование, причем на образование низкого качества. Всеобщая воинская обязанность противоречит вызовам постиндустриальной экономики и постиндустриальной демографии, оказывая искажающее влияние и на профессиональную мотивацию, и на рынок труда. Этот вопрос достоин отдельного анализа. В данном случае замечу лишь, что если бы Билл Гейтс должен был ради избежания армейской службы доучиваться в университете, а потом писать никому не нужную диссертацию в очной аспирантуре, то в мире, наверное, появился бы еще один неплохой инженер или даже профессор, но не было бы компании Microsoft.

4. Современное здравоохранение

В России всегда доверяли государственному университету, но частному врачу. Именно поэтому, сталкиваясь с си-

туацией оплаты услуги врача, российский гражданин относится к этому более терпимо, чем к платному образованию⁸. Стремление не экономить на здоровье растет по мере повышения экономического благосостояния и общей культуры общества.

При обсуждении принципов функционирования и реформирования современного здравоохранения можно выделить две ключевые особенности (и одновременно проблемы), которые надо принимать во внимание. Во-первых, быстро растущий интерес образованного человека к состоянию своего здоровья. Во-вторых, асимметрия информации.

Эти проблемы взаимосвязаны и обуславливают одна другую. По мере роста благосостояния и образования ценность человеческой жизни неуклонно возрастает, и человек готов заниматься своим здоровьем не только тогда, когда он заболевает. Тем самым спрос на медицинские (и медицинско-профилактические) услуги существенно растет. В то же время современный образованный человек перестает видеть во враче носителя сакрального знания и, как правило, хочет понимать даваемые ему рекомендации, готов контролировать врача и тем самым частично нести ответственность за результаты своего лечения.

С практической точки зрения это должно вести к усиле-

⁸ Первый советский нарком здравоохранения Н. А. Семашко считал, что врачам много платить не надо, поскольку «хорошего врача прокормит народ, а плохие нам не нужны» (см.: *Шишкин С. В., Бесстремляная Г. В.* и др. Российское здравоохранение: оплата за наличный расчет. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2004. С. 7).

нию открытости системы здравоохранения, усилению конкуренции врачей и медицинских учреждений. Это, в свою очередь, требует отказа от привязки пациента к одному лечебному учреждению и наличия возможности выбора между врачами в рамках одного учреждения и между лечебными учреждениями. Естественно, в предельном случае возможен выход за национальные границы и выбор между врачами (и учреждениями) разных стран.

На практике так и происходит. Люди, имеющие определенные средства, стремятся получать медицинскую услугу в глобальном пространстве, выбирая наиболее устраивающих их специалистов. С учетом значимости здравоохранения для постиндустриального человека возможность получить качественную медицинскую услугу будет занимать все более приоритетное положение в системе ценностей среднего класса, т. е. глобальный спрос будет только расти.

Вырабатывая правила и принципы организации системы здравоохранения, необходимо учитывать эти тенденции. Среди важных шагов в формировании современной системы здравоохранения можно выделить следующие.

Прежде всего создание условий для *развития конкуренции* между врачами и между лечебными учреждениями. Это принципиально новая постановка для нашего общества, поскольку традиционный советский подход состоял в прикреплении пациента к поликлинике при ограниченном доступе к информации о состоянии собственного здоровья. Люди стар-

ших поколений помнят, что медицинскую карту было запрещено выдавать на руки пациенту. Между тем отвязка клиента от лечебного учреждения, возможность обратиться к разным специалистам и иметь полную информацию о состоянии своего здоровья – важнейший шаг к преодолению асимметрии информации.

Попытки ограничения конкуренции на рынке медицинских услуг будут только выталкивать платежеспособный спрос за пределы страны, заставят все более активно обращаться в иностранные лечебные заведения.

На сказанное можно возразить банальным тезисом об опасности самолечения. Но речь в данном случае идет не о самолечении, а о возможности активно и сознательно участвовать в контроле за состоянием своего здоровья – и нести за него ответственность.

Важнейшим условием преодоления асимметрии информации является *универсальная электронная медицинская карта*. Человек должен иметь возможность обращаться к разным врачам, не повторяя уже проведенных обследований – или, по крайней мере, минимизируя эти повторы. Это достаточно сложная в техническом отношении задача, поскольку необходимо обеспечить совместимость носителей информации и разных видов медицинского оборудования. Это сложный и капиталоемкий проект, но он стоит того, чтобы в него вложиться.

В перспективе этот процесс должен будет приобрести гло-

бальный характер, поскольку электронная карта должна читаться в клиниках всех развитых стран мира.

Наличие такой карты является не обязанностью, а правом гражданина. Именно поэтому здесь вполне допустимы платежи: если человек хочет быть обладателем электронной карты, он должен оплачивать ее выпуск и поддержание.

Другим фактором обеспечения конкуренции является постепенное *усиление страховых принципов* организации медицины. Речь идет о полноценном страховании, в котором страховые фирмы конкурируют за клиента, а не о нынешней ситуации, когда страховщики обслуживают прохождение бюджетных платежей. Полагаю, что рынок этот у нас не сформируется, если не открыть его полностью для иностранных страховых фирм. Развитие реальной страховой медицины снимет вопрос о допустимости соплатежей частных лиц⁹.

Вопрос о соотношении *государственного и частного финансирования* здравоохранения не является простым и требует специального обсуждения. Традиционное (хотя и не сформулированное официально) понимание состоит в том, что государство должно обеспечить массовую медицинскую помощь, а специальные сложные (и дорогостоящие) методы требуют специальной процедуры финансирования и, как правило, софинансирования граждан. Между тем противо-

⁹ «В условиях развитого индустриального общества, предъявившего высокий спрос на услуги здравоохранения, неизбежным оказывается широкое распространение частных платежей за эти услуги» (Гайдар Е. Т. Долгое время // Е. Т. Гайдар. Собрание сочинений. Т. 3. С. 635).

положительная логика достойна не меньшего внимания: массовое здравоохранение с простыми случаями заболеваний вполне может быть предметом частных расходов семей (или частного медицинского страхования), тогда как тяжелые случаи, требующие вмешательств высококвалифицированных специалистов (включая иностранных) и сложного оборудования, должны быть сферой ответственности государства (государственного бюджета). На таких принципах функционирует, например, система здравоохранения Сингапура.

Государство должно сосредоточить внимание на *создании медицинских учреждений и школ, способных конкурировать на глобальном рынке*. Критерием успешности клиники должно быть не наличие высокотехнологичного оборудования, а число иностранных пациентов, желающих в этой клинике лечиться и соответственно готовых платить за это свои деньги. Такие учреждения надо создавать, стимулируя приток в них платежеспособного спроса и отечественных пациентов.

Этот подход можно считать элитарным, противоречащим принципам социальной справедливости. Однако на практике именно элитные учреждения могут становиться локомотивами, стимулирующими поднятие общего уровня медицины в стране. Создание такого рода элитных центров должно быть и частью стратегии Москвы и некоторых других городов страны, особенно университетских центров. Появление такого рода учреждений стало бы фактором инновационно-

го развития регионов.

Наконец, специального внимания заслуживает развитие технологий, обеспечивающих *индивидуализацию медицинского обслуживания*. Тренд развития медицинской науки и технологий свидетельствует о появлении в обозримом будущем индивидуализированных лекарств, что будет означать коренную трансформацию всей системы организации здравоохранения.

5. Перспективы пенсионной системы

Состояние и перспективы развития пенсионной системы являются одним из ключевых вопросов экономической и политической дискуссии настоящего времени – как в России, так и в большинстве других развитых стран. Действительно, от состояния пенсионной системы зависит и социальная, и политическая, и экономическая стабильность общества. Пенсионеры – это устойчивый электорат, как правило, не игнорирующий выборы. Пенсионные фонды – источник инвестиционных средств. Пенсионные расходы представляют собой серьезную статью государственного бюджета и существенно влияют на его балансирование. Иными словами, здесь переплетаются фискальные, инвестиционные, социальные и политические проблемы любой развитой страны.

Как и две предыдущие темы, пенсионная система в постиндустриальном обществе должна качественно отличаться

от традиционной модели пенсионирования – и по масштабам решаемых задач, и по ожиданиям населения.

Существует несколько разных вопросов, на которые надо ответить при формировании современной пенсионной системы.

Во-первых, наиболее часто звучит вопрос об источниках пополнения Пенсионного фонда, или о его сбалансированности. С точки зрения пополнения фонда – это вопрос ставок отчислений в Пенсионный фонд. С точки зрения расходования средств – это прежде всего вопрос пенсионного возраста.

Во-вторых, сам пенсионный возраст – не только как чисто финансовый феномен, но и как проблема социальной справедливости. С какого возраста можно и нужно оставлять работу и каков должен быть трудовой вклад для получения достойной пенсии? Сторонники повышения пенсионного возраста, помимо финансовых факторов, указывают на повышение среднего возраста начала трудовой деятельности (в связи с удлинением сроков получения образования) и постепенный рост продолжительности жизни. Противники указывают на низкую продолжительность жизни в сравнении с развитыми странами и на важность сохранения социальных завоеваний советского прошлого.

В-третьих, что собой представляет эта «достойная пенсия»? Как добиться, чтобы уход на пенсию не означал бы резкий спуск вниз по социальной и материальной лестнице,

особенно в сравнении с тем, что человек только что зарабатывал? Иными словами, это вопрос о том, можно ли прожить на пенсию и при этом сохранить определенный социальный статус.

В-четвертых, стоит совершенно особая проблема старших пенсионных возрастов, решение которой не сводится только к размерам денежных выплат.

И, наконец, в-пятых, необходимо понять долгосрочное будущее пенсионной системы – ее долгосрочную, стратегическую модель.

Все перечисленные вопросы между собой взаимосвязаны. Однако ответы на них все-таки находятся в различных плоскостях и должны даваться отдельно.

Ведущаяся в настоящее время дискуссия почти целиком вращается вокруг повышения пенсионного возраста – темы, конечно, интересной и социально острой, но не самой болезненной и не самой актуальной. Она не самая болезненная, поскольку никто не собирается повышать пенсионный возраст тем, кто приближается к пенсии, – речь идет о гораздо более молодых людях. Тема и не самая актуальная, поскольку политически приемлемое повышение пенсионного возраста не решает фискальной задачи – балансирования Пенсионного фонда, но лишь немного смягчая ее напряженность.

Сбалансированность Пенсионного фонда является важной проблемой с точки зрения обеспечения общей макро-

экономической устойчивости, однако это не есть специфическая пенсионная проблема. Пенсионный фонд в его нынешнем виде чисто технически отделен от федерального бюджета. Его имеет смысл рассматривать как часть бюджета и в этом отношении его расходы должны (могут) покрываться не обязательно за счет пенсионных отчислений, но и за счет других (налоговых) поступлений. Во всяком случае, это должно быть справедливо в той мере, в какой основу нашей пенсионной системы составляет солидарность поколений – принцип, по которому работающие платят за неработающих.

Балансирование Пенсионного фонда путем повышения пенсионного возраста – путь возможный, но неэффективный. Повышение пенсионного возраста в политически допустимых пределах (максимум на пять лет) не решает, а лишь смягчает проблему дефицита фонда, причем только в краткосрочной перспективе. К тому же речь идет о балансировании при сохранении нынешнего, весьма невысокого уровня пенсий, а отнюдь не об увеличении пенсии до уровня, при котором уход с работы не означал бы радикального снижения благосостояния человека.

Еще одним решением может быть существенное увеличение трудового стажа, при котором начисляется полноценная пенсия, в отличие от минимальной социальной пенсии. Здесь предлагается увеличить стаж с нынешних пяти до двадцати лет. Это решение представляется справедливым, однако и оно не будет иметь значимых последствий с точки зре-

ния финансовой сбалансированности¹⁰.

Обсуждение вопросов финансовой устойчивости и справедливости уводит внимание от других, стратегических вопросов – относительно пенсионной системы будущего. Дискуссия, по сути, идет вокруг тем и реалий предшествующих ста лет существования пенсионной системы, тогда как за последние четверть века произошли коренные изменения в экономической и социальной структуре развитых стран. Изменения, которые требуют принципиально по-новому посмотреть на задачи пенсионной системы.

Традиционная пенсионная система была создана в период трансформации аграрных обществ в индустриальные и была предназначена для поддержки выработавших свой ресурс индустриальных наемных рабочих, оторванных от земли и не имеющих источника существования помимо заработной платы.

Современная пенсионная система, основанная на принципе «работающий платит за неработающего» возникла в Германии при канцлере Отто фон Бисмарке, когда в 1889 г. в ответ на рост социалистических настроений он предложил го-

¹⁰ Дискуссия о пенсионном возрасте и стаже ведется в настоящее время практически во всех развитых странах. С точки зрения российских проблем интересным представляется опыт Франции последних пяти лет. Н. Саркози провел решение о повышении пенсионного возраста с 60 до 63 лет (независимо от пола). Это вызвало общественное возмущение, и избранный в 2012 г. социалист Ф. Олланд предложил вернуть пенсионный возраст к 60 годам, однако только для рабочих, занятых тяжелым трудом и имеющих 41 год трудового стажа.

сударственную пенсию с 70 лет – при том, что средняя продолжительность жизни была тогда 45 лет. Аналогично, когда пенсионное обеспечение в Великобритании вводил Ллойд Джордж в 1908 г., эти цифры были соответственно 70 и 50 лет. Установление пенсионного возраста в СССР в 1930-е гг. предполагало те же «правила игры» – продолжительность жизни не превышала 45 лет.

По сути, это была небольшая премия для горстки людей, доживших до пенсионного возраста. Кроме того, пенсия не распространялась на сельских жителей, а они составляли большинство – считалось, что крестьяне кормятся от земли и живут в больших семьях, в которых трудоспособные поколения поддерживают пожилых. Словом, эта пенсионная системы не могла составлять большой проблемы для бюджета.

На протяжении второй половины XX в. ситуация существенно менялась. Продолжительность жизни росла, а пенсионный возраст понижался – в какой-то момент они пересеклись. Росла численность городского населения, т. е. число тех, кто может претендовать на пенсии. Затем пенсионированием были охвачены и селяне (в СССР это произошло в 1960-е гг.). Далее произошел поворот демографической пирамиды, в результате чего старшие возраста стали постепенно доминировать над младшими – численность работающих уменьшалась, а пенсионеров возрастала. В общем, демографические, социальные и экономические процессы привели к кризису традиционной пенсионной системы, характерной

для XX в.

Еще одной особенностью современного общества является неоднозначное отношение самих граждан к перспективе ухода на пенсию. Если в прошлом большинство людей стремилось перестать работать, то сейчас растут ряды тех, которые не хотят на пенсию, а также тех, для кого вопросы пенсии вообще не актуальны. К первым относятся государственные служащие, судьи, профессора и академики, которые постоянно борются за право работать сверх установленного предела. Под их давлением правительство периодически вносит соответствующие изменения в законодательства¹¹. Все более растут ряды людей свободных профессий, которые работают столько, сколько они могут себе позволить, а при достижении преклонного возраста никак не рассчитывают прожить на государственную пенсию и потому формируют собственные индивидуальные пенсионные стратегии.

В связи со всеми этими изменениями нынешняя дискуссия о пенсионном возрасте выглядит искусственной. Ведь если оставаться в логике отцов-основателей современной системы пенсионирования, пенсионный возраст в развитых странах должен составлять 90–95 лет, а в некоторых странах и выше. Политически это выглядит абсурдно, хотя финансо-

¹¹ Последним примером такого рода была отмена предельного возраста для председателя Верховного суда в мае 2012 г. Ранее аналогичные решения были приняты для председателя Конституционного суда, для руководителей государственных академий наук и академических институтов.

во вполне обоснованно.

Иными словами, современное общество переросло пенсионную модель, разработанную применительно к условиям только возникавшей индустриальной экономики. Поиск новой пенсионной системы должен выйти за рамки дискуссии о возрасте и предложить принципиально другие решения, для которых проблема пенсионного возраста имеет исчезающее значение¹². Долгосрочная пенсионная модель будет строиться на основании тех принципов, которые были изложены нами в начале этой статьи.

Современный человек может и должен сам строить свою жизненную стратегию, в том числе и готовиться к старости. Он может копить деньги под подушкой или в Пенсионном фонде, может инвестировать в супруга или в детей, в надежде, что они не покинут в старости. С тех пор, как в России отменили уголовное преследование за тунеядство, за каждым человеком было признано право работать или не работать в любом возрасте.

Пенсионная стратегия будет все более индивидуальной, а в основе ее будут лежать четыре альтернативных способа организации жизни после ухода от активной трудовой деятельности. Во-первых, государственная пенсия (социальная и накопительная). Во-вторых, частные пенсионные накопле-

¹² Понимая условность этой аналогии, все-таки не могу не заметить, что дискуссия о возрасте сродни обсуждению условий обращения с крепостными крестьянами (гуманизации, ограничения прав на продажу их помещиками), когда вопрос уже стоял о полном уничтожении этого института.

ния, включая корпоративные пенсионные системы. В-третьих, вложения в недвижимость, на ренту от которой можно жить в старости (типичная пенсионная стратегия москвичей со средним достатком). Наконец, в-четвертых, вложения в семью, которая в старости будет служить пожилому человеку опорой.

Экономический опыт и здравый смысл свидетельствуют, что ни одна из перечисленных стратегий не является абсолютно надежной. Рухнули казавшиеся крайне устойчивыми государственные пенсионные системы социалистических стран. Финансовый кризис привел к значимым потерям частных пенсионных фондов и хранящихся в них сбережений. Доходы от недвижимости также подвержены колебаниям, особенно в условиях экономического кризиса. Наконец, и семья не всегда оправдывает возлагаемые на нее надежды.

Тем самым разумной пенсионной стратегией являются диверсификация, индивидуализация и приватизация. Человек сам сравнивает и оценивает риски, формирует индивидуальную стратегию, основанную на определенной комбинации из четырех вариантов пенсионной стратегии, причем именно частные средства (сбережения) играют здесь определяющую роль (на них основаны три из четырех вариантов стратегии).

Это не означает самоустранения государства. Государство должно обеспечивать и стимулировать прежде всего максимальное продление активной жизни человека, т. е. быть ори-

ентированным на здравоохранение, профилактику, стимулирование здорового образа жизни. Кроме того, государство должно страховать от инвалидности и очевидной бедности. Иными словами, помогать тем, кто без этой помощи обойтись точно не может. В конечном счете государство должно будет отвечать за поддержку неимущих и инвалидов, но это опять же не проблема возраста.

В связи с этим совершенно самостоятельной темой является поддержка людей старших пенсионных возрастов, которым нужна помощь по организации жизни и уходу за ними, когда этого не может обеспечить семья. Это очень важная проблема, которая не решается финансовой помощью – здесь нужна организация специальной службы, и именно в этом состоит важнейшая функция государства.

Против высказанных предложений можно привести много контраргументов – от его негуманности до проблемы неспособности человека строить свою стратегию на много лет вперед. Все они должны быть предметом общественной дискуссии. И это гораздо более серьезная тема, чем вопросы о возрасте начала получения скудного государственного пособия.

Поэтому надо признать, что нынешняя дискуссия о пенсионной системе вообще и о пенсионном возрасте в особенности – тупиковая. И мы не сдвинемся в ее решении, пока это не признаем и не посмотрим на проблемы пенсионирования под радикально новым углом зрения, основанным на

понимании реальных потребностей современного человека и современного общества.

Общий вывод, который следует из наших рассуждений, достаточно прост. Отрасли развития человеческого капитала являются несомненным национальным приоритетом для страны. Однако этот приоритет состоит не в усиленном финансировании этих секторов, а в проведении в них серьезных структурных реформ, соответствующих вызовам и принципам XXI в.

Источник: Вопросы экономики. 2012. № 7.

Раздел первый. Образование: непрерывная реформа

Структура профессионального образования в России за последние 10–15 лет оказалась неоправданно смещена в сторону высшего образования. Коэффициент приема в вузы, рассчитанный как отношение приема в вузы к численности возрастной когорты 17-летних (в этом возрасте в вузы поступает большинство молодежи), в 2010 г. превысил 90 %. Ажиотажный спрос на высшее образование отражает новую социальную реальность России. Высшее образование стало социальным императивом и обязательным условием любой карьеры.

Приоритет высшего образования обусловлен двумя факторами. Состояние общеобразовательной школы неудовлетворительное. *Первые 2 года российских программ высшего образования обеспечивают общесоциальные компетенции (иностранный язык, коммуникационные и координационные навыки, основы экономики и права), которые в других странах даются в старшей школе. Дополнительный фактор – стремление семей обеспечить обучение ребенка в наиболее сильной среде (качественный состав обучающихся в вузах «поднимает» студентов, а в НПО и СПО – «опускает»).*

По доступности среднего полного образования Россия

входит в число мировых лидеров.

Основные проблемы российского образования – недостаточный охват детей дошкольным образованием, высокая доля школьников, не достигающих удовлетворительного уровня функциональной грамотности, значительное отставание наименее успешных групп учащихся от наиболее успешных, недостаточное развитие социальной компетентности и позитивных социальных установок у выпускников школ.

Содержание и объем социальных обязательств государства в сфере образования недостаточно конкретизированы. Институциональные реформы не завершены, при этом в системе образования накоплена «усталость» от постоянных изменений и новых инициатив, усиливается имитация реформ. Ограничены автономия и возможность принятия эффективных решений на региональном, муниципальном и школьном уровнях. Соответственно отсутствуют механизмы обратной связи и самокоррекции, которые позволяли бы системе оперативно адаптироваться к особенностям внешней среды.

Стратегия-2020

А. Е. Волков, Д. В. Ливанов.

Университет будущего: ставка на новое содержание

Современный вид системы профессионального образования сложился около 100 лет назад, когда в Европе и Америке появился так называемый средний класс – прослойка людей, которые поставили высшее образование в приоритетные ценности для своих детей. Прошло 100 лет. За это время случился ряд технологических революций, прошло несколько глубоких экономических кризисов и две мировые войны. Пожалуй, только пенсионные и образовательные системы уцелели без радикальной перестройки за это время. Высшее образование, которое в России также называют «профессиональным образованием», а в англосаксонском мире – «третичным образованием», на протяжении XX в. развивалось в направлении роста его доступности и массовизации. По данным ЮНЕСКО, в ближайшие 30 лет университетское образование получит больше людей, чем за всю предыдущую историю цивилизации. Рыночные реформы 1990-х гг. в России также реализовали социальные ожидания населения: число вузов выросло более чем в 2 раза – с 510 до 1100, страна стала одним из мировых лидеров по доступности высшего образования (88 % выпускников школ поступают в ву-

зы). При этом существует общественный консенсус по поводу низкого качества такого образования. Но это не означает, что нам нужно вернуться на 30 лет назад, когда количество студентов не превышало 20 % от числа выпускников школ. Нужно заново сформулировать, что есть высшее образование в начале XXI в.

Для этого прежде всего стоит прекратить обсуждение моделей и подходов конца 1990-х – начала 2000-х гг. ЕГЭ как единый национальный экзамен останется надолго, хотя его технология и содержание будут меняться; одновременно войдут в практику и другие инструменты оценки достижений школьников. Болонская система – уже сделанный выбор, хотя предстоит избавиться от рудиментов старого (индустриального) высшего образования в виде избыточного числа специальностей и направлений подготовки. В ближайшие годы возникнет новая, более компактная и структурированная архитектура высшего образования в результате активно идущих процессов слияния и санации слабых вузов с одновременным опережающим развитием университетов-лидеров. Значительная часть слабых вузов перейдет на подготовку только по программам бакалавриата и прикладного бакалавриата. Программы магистратуры и аспирантуры сохранятся в ведущих, регулярно подтверждающих высокий уровень работы университетах.

Ключевые тренды новой парадигмы высшего образования

Пора говорить о новой парадигме высшего образования. Отметим ее основные тренды на ближайшее десятилетие. Первый – массовое обновление людей, работающих в высшем образовании. Каждый университет, который будет претендовать на вхождение в международные рейтинги, встанет перед необходимостью нанимать на международном академическом рынке сотни профессоров, исследователей и администраторов. По оценкам экспертов, университет с 10 000 студентов не сможет даже начать движение к международной исследовательской конкурентоспособности без привлечения по меньшей мере 100 профессоров, работающих на мировом уровне. Дальше – больше. Это потребует значительных инвестиций и глубоких внутренних реформ. Новые люди не захотят работать в старой институциональной среде.

Второй тренд – изменение технологий обучения в соответствии с современными техническими и социогуманитарными достижениями. Претерпит существенные изменения лекционно-семинарская модель обучения, будут активно использоваться онлайн-курсы, разработанные лучшими университетами. Университеты перейдут на активные методы обучения. Новые технологии не могут быть навязаны извне, их принесут с собой новые профессионалы, которые придут

в российские вузы.

Третий – обновление университетской инфраструктуры. Нынешние здания российских вузов не удовлетворяют даже минимальным требованиям конца XX в. В России должно быть создано несколько передовых университетских кампусов, которые станут центрами притяжения лучших студентов и профессоров со всего мира.

Четвертый. На месте уходящих традиционных учреждений начального и среднего профессионального образования (НПО – СПО) возникнет новая система центров профессионального развития, основанная на частно-государственном партнерстве и новых технологиях обучения и нацеленная на формирование актуальных, востребованных рынком труда компетенций взрослого населения. Это важный ресурс для привлечения инвестиций в сферу профессионального образования.

Университеты следующего поколения

Но самым принципиальным является вопрос о появлении университетов следующего поколения. Они будут отличаться от:

- классических (теологических) университетов, появившихся в Европе в XI–XII вв. и ориентированных на трансляцию универсума знаний;
- исследовательских университетов, возникших в XIX в.

по модели Вильгельма фон Гумбольдта и предназначенных для генерации научных знаний и подготовки исследователей;

- индустриальных вузов (высших профессиональных школ и политехнических училищ), сложившихся в начале XX в. для обеспечения бурного роста промышленности.

В течение последних **30** лет экспертами фиксируется кризис индустриальной организации общества и экономики, который проявляется в расширяющемся наборе территориальных, технологических и гуманитарных проблем. Поэтому должны появиться университеты нового типа («проблемно-ориентированные» или «инновационные» университеты) для подготовки людей и команд, способных проектировать новые виды деятельности и обеспечивать трансформацию уже существующих корпораций, отраслей и территорий в соответствии с вызовами времени. Спрос на таких профессионалов интенсивно растет во всем мире в связи с усилением глобальной конкуренции, появлением новых технологий и геополитической неопределенностью (локальные военные конфликты, финансовые и экономические кризисы). У России есть все основания для того, чтобы включиться в мировое лидерство в подготовке таких людей, которые будут способны:

- мыслить за пределами существующих общепринятых представлений;

- решать задачи, до сих пор не имевшие решения;
- действовать практично, беря на себя ответственность за проект и команду в ситуации неопределенности, ограниченности ресурсов и персонального риска;
- доказывать свою эффективность реальными достижениями и результатами.

Это позволит России вновь встроиться в международную повестку развития высшего образования и претендовать на ведущую роль в глобальном образовательном пространстве в перспективе следующих 10–30 лет. Потребуются серьезные изменения в содержании образования, суть которых состоит в выходе за пределы трансляции предметно-организованного знания. Центральными процессами нового образования станут коммуникация и технологии интеллектуальной деятельности (мышление), направленные на решение актуальных проблем, а высшей формой образовательной деятельности – стратегическая проектная и командная работа. В такой системе меняется традиционная роль профессора («предметника»), которая должна быть дополнена организаторами коммуникации, отраслевыми и технологическими экспертами, руководителями проектной работы. Именно за эти типы профессионалов уже развернулась острейшая конкуренция на международном интеллектуальном рынке.

Новые правила игры в образовательном пространстве

В истории уже есть признаки и отдельные элементы нарождающейся новой парадигмы высшего образования. Примеры выхода за рамки исследовательской повестки были в прошлом у московского Физтеха, а сейчас сложились в экосистемах Пало-Альто и Стэнфордского университета, Бостона и Массачусетского технологического института. Важно, что за последние 50 лет в теории управления возникли интеллектуальные школы, связанные с активным вовлечением участников в проектирование организационных систем («идеализированное проектирование» Рассела Акоффа и «деятельностный подход» Георгия Щедровицкого).

Обсуждаемые образовательные новации не отрицают значимость сложившихся форматов высшего образования. Обновленные классические и отраслевые вузы по-прежнему будут составлять ядро профессионального образования в России, а развитие исследовательских университетов является условием международного признания успехов российского высшего образования в ближайшие годы. Однако необходимо избежать соблазна прямолинейного широкого копирования «лучших международных практик». Мы не сможем конкурировать в рейтингах с мировыми грандами напрямую – нам не хватит ресурсов, времени, репутации. Стати-

стика показывает: средний возраст университета мирового класса — 180 лет, а более 45 % нобелевских лауреатов являются выпускниками всего 12 университетов. Чтобы восстановить международную конкурентоспособность российской высшей школы, необходимо тщательно анализировать и рационально использовать зарубежный опыт, но при этом разрабатывать и применять собственный подход. У нас есть исторический шанс стать участниками установления новых правил игры в международном образовательном пространстве. В этом главный вызов ближайшего десятилетия.

Источник: Ведомости. 03.09.2012.

Проблема падения качества подготовки студентов.

Предлагаемые меры по ее решению.

- Повышение нормативного финансирования в расчете на одного студента до уровня, обеспечивающего конкурентоспособный уровень заработной платы преподавателей (до 160 % от средней заработной платы по региону в 2015 г., до 220 % в 2020 г.) в сочетании с регулированием кадровой политики вузов с целью повышения качества профессорско-преподавательского состава.

- Реорганизация сети государственных вузов и их филиалов; укрупнение вузов на основе присоединения к ведущим университетам.

- Введение независимой промежуточной и итоговой государственной аттестации студентов («ЕГЭ для бакалавров»).

П. В. Дуров. Семь элементов системы образования XXI века

Человечество отличается способностью тем, что способно передавать информацию следующему поколению. Однако, судя по катящейся в пропасть системе среднего образования, мы практически разучились это делать. В XXI в. будет создана новая парадигма образования, имеющая мало общего с текущей.

Современные средние школы были задуманы в уходящую индустриальную эпоху. Они организованы по образу фабрик – характерными для заводов звонками, сменами и строгим цеховым разделением. К детям эта система относится как к сырью для изготовления будущих рабочих и клерков. Распределение детей на классы происходит на основе возраста, словно главная характеристика людей для системы – дата их изготовления.

В течение многих десятилетий такая фабричная модель помогала создавать столь нужные развитым странам армии рабочих и их начальников. Сегодня западные страны уже не могут конкурировать с Востоком в индустриальной плоскости, и их стандартизированные средние школы производят лишь армии безработных.

Западное общество, неспособное разглядеть системный кризис школьного образования, все чаще объявляет «бра-

кованными» не школы, а самих детей, которым присваивает ярлык ADHD («синдром дефицита внимания и гиперактивности») и прописывает наркотические психостимуляторы вроде риталина. Эти стимуляторы притупляют чувственное восприятие ребенка и заставляют его фокусировать внимание на учебнике, классной доске и учительнице.

Без стимуляторов многие дети, которых официальная фармакология объявила больными, отвлекаются на окружающее информационное изобилие в виде фильмов, клипов, игр и интерактивных интернет-сервисов. Однако поведение этих детей объяснимо и без диагнозов.

Сегодня в изготовление одного голливудского блокбастера может вкладываться больше ресурсов, таланта и творческих усилий, чем во всю школьную программу по тому или иному предмету. Жесткая конкуренция на медийном рынке привела к тому, что к созданию продуктов массового искусства порой привлекаются лучшие художники, лучшие композиторы и лучшие писатели.

Всем этим творческим ресурсам централизованная система образования пытается противопоставить стандартные учебники, черно-белые доски и малоимущих учителей. Пока медиакомпании осваивали современные формы передачи информации, школы словно застыли в XX в. Очевидно, что скоро системе среднего образования придется полностью измениться – или исчезнуть за ненадобностью.

Как же будет выглядеть система образования будущего?

Обучение через интерактивные лекции у лучших учителей

Представьте, что голливудские фильмы доходят до жителей деревень не в цифровом виде, а в виде сценария, по которому в местных театрах ставится постановка с участием деревенских актеров с сельским инвентарем. Придя на просмотр «Титаника», жители видят не Леонардо диКаприо на тихоокеанском лайнере, а своего соседа Ивана Петровича на картонной барже.

Забавно? Однако именно такой доцифровой способ передачи информации используется сегодня в среднем образовании.

Представьте теперь, что в результате общенационального конкурса вам удалось найти наиболее талантливого и вдохновенного учителя по каждой школьной дисциплине. Такие учителя могут объяснить самые сложные концепции в простых словах, их уроки наполняют слушателей энтузиазмом и желанием стать учеными. Представьте, что лекции этих гениальных педагогов оцифрованы и снабжены красочными иллюстрированными материалами. После каждой лекции

учитель будет предлагать задачи для самостоятельного решения, а также разбор правильных или возможных неправильных ответов, введенных учеником.

Учащийся может задать любой вопрос, найдя его через поиск или выбрав из списка. Если ответа на его вопрос не оказалось, то преподаватель будет уведомлен об этом, через некоторое время запишет видеответ и пополнит постоянно растущую базу знаний. Пройдет несколько лет занятий по такой программе, и вопросов без ответа не останется.

В новый цифровой век учителя – гении смогут обучить миллионы человек, а учащиеся даже самых захолустных деревенских школ получат возможность виртуального общения с наиболее талантливыми педагогами страны. Новые учителя – звезды станут героями целого поколения, обойдя кассовых актеров по популярности и узнаваемости. Впервые за все время существования массового среднего образования источник знания станет вызывать уважение и желание подражать – психологически необходимый фундамент для любого обучения.

Пример из настоящего

Преподаватель Себастиан Трун вел в Стэнфорде небольшой курс по искусственному интеллекту, пока не догадался его оцифровать, снабдить интерактивными задачами и выложить в Интернет. Через полгода его слушали уже не 200, а 160 000 студентов по всему миру. А вот аудитория в Стэн-

форде опустела: почти все студенты предпочли цифровой вариант. Себастиан пошел дальше и записал новые курсы. В одном из них он готов за семь недель научить любого желающего, как создать свой «Гугл».

Обучение через игровые симуляторы

Представьте, что для сдачи курса по рыночной экономике вы должны пройти несколько уровней полномасштабной красочной игры, где вам придется управлять виртуальным предприятием и на практике постигать парадоксы предложения и спроса. По мере того, как вы налаживаете поставки, производство и маркетинг ваших товаров, ваши одноклассники (которые, кстати, могут находиться на другом континенте) делают то же самое, ставя вас в жесткие условия конкуренции.

При желании вам будут предлагаться полезные советы для экономического выживания на рынке. Игра начнется с необходимости построить простое торговое дело в эпоху Адама Смита и по мере прохождения приблизится к современности, плавно обрастая необходимостью вникать в смысл фьючерсов и деривативов.

Последний уровень этой экономической стратегии будет максимально приближен к реалиям современной международной экономики и построен на принципах свободной конкуренции учащихся всего мира со всеми. Каждый месяц бу-

дет подводиться рейтинг, в котором будут чествоваться лучшие игроки каждого региона.

Теперь представьте симулятор для юных химиков, где вы можете смешивать любые реагенты в любом количестве и посмотреть на заранее записанный видеоролик с результатом. Комбинаций будет очень много, но создателям симулятора нет нужды предзаписывать все бесчисленные варианты, в случае отсутствия нужного ролика система может подключаться к центральной лаборатории с настоящими реагентами, которая смешивает их в нужной пропорции и запишет видеорезультат для текущего экспериментатора и будущих поколений.

В отличие от стандартных лабораторных условий вы не ограничены в инвентаре, и взрыв в случае ошибки лишь позабавит. Система может сразу подсчитывать примерную стоимость использованных в смеси реагентов – на случай, если в процессе игры возникнет бизнес-идея, или план революции.

Пример из настоящего

Американские летчики еще с 70-х гг. тренируют свои навыки на авиасимуляторах – это оказалось дешевле и в ряде случаев эффективнее тренировочных вылетов. Сегодня любой желающий может постигнуть азы вождения автомобиля с помощью автосимуляторов вроде SimuRide или научиться строить бизнес в многопользовательской игре Virtonomics. Более амбициозным учащимся можно посоветовать полити-

ческий симулятор Демосгасу, который позволяет приобрести навыки управления демократической страной.

Обучение через интерактивные аудиовизуальные тесты

Представьте, что вы проходите стандартный тест по правилам дорожного движения и выбираете неправильный ответ. Внезапно вы видите, как на экране разворачивается захватывающая сцена ДТП с традиционными для массового кино переворачивающимися горящими автомобилями. Такая нехарактерная для современного образования жестокость привьет будущему водителю идею о важности осторожной и правильной езды.

Представьте себе вопрос теста по истории, где вам необходимо выбрать, какая сторона победила во Второй мировой войне. На анимированном экране вы видите варианты, при наведении на каждый из которых начинают проигрываться гимны и развеваться флаги соответствующих стран:

- а) Великобритания, СССР и США;
- б) Германия, Италия и Япония.

Выбор неправильного варианта приведет к отображению красочного видеоролика, в котором на улицах современного Лондона введен комендантский час, здание Тауэра венчает портрет Гитлера, а на красных двухэтажных автобусах красуются белые кружки свастики. А теперь предположим, что

в конкурсе на создание видеороликов этой альтернативной истории будут участвовать лучшие голливудские студии, и таких роликов, с ответами на разные вопросы, будут тысячи. Вместе они образуют то, что придет на смену стандартным тестам для подготовки к ЕГЭ (SAT, GCE).

Не только дети, но и многие взрослые не откажутся принять участие в тестах, если они реализованы на уровне американских блокбастеров. Государство, которое сможет первым эффективно инвестировать серьезные средства в создание обучающих материалов такого типа, получит преимущество первого игрока на новом глобальном рынке образования и возможность международной культурной экспансии.

Впрочем, едва ли цифровые проекты вроде этого будут созданы в рамках плесневеющих государственных структур. Скорее, такие тесты войдут в состав частных репетиторов будущего на зарождающемся рынке интерактивных образовательных услуг.

Пример из настоящего

Простые интерактивные тесты уже давно используются при изучении иностранных языков и некоторых наук взрослыми и подростками. Появление iPad позволило создавать обучающие игровые тесты даже для детей дошкольного возраста. Так, благодаря нескольким таким приложениям, моя двухлетняя двоюродная племянница освоила английский и русский алфавит. Попутно она разобралась в администра-

тивно-территориальном делении США и Германии – в одном из приложений для iPad регионы этих стран предлагалось собирать как части пазла.

Обучение через локальное и глобальное соревнование

Желание доказать, что ты лучший в том или ином соревновании, – одна из наиболее сильных мотивирующих сил для молодых людей. В текущей системе образования она используется недостаточно сильно. Тесты наподобие ЕГЭ применяются только в конце обучения, что предсказуемо приводит к злоупотреблениям и стрессам.

Представьте, что глобальное тестирование заменяет нынешние контрольные работы и проходит каждую неделю на протяжении всего периода обучения. Успехи каждого школьника по каждой дисциплине автоматизированно фиксируются и публично отражаются на школьных цифровых досках, наподобие личных рейтингов спортсменов. Наиболее успешные школьники попадают в общий рейтинг, где они конкурируют с учащимися других школ на уровне региона и страны.

Каждый месяц статистически определяются победители города и страны по каждому предмету, наподобие отбора сегодняшних победителей олимпиад. Для исключения злоупотреблений прохождение регулярных тестов записывается на

веб-камеру и видеозаписи сохраняются в глобальном архиве для будущего образовательного аудита.

Благодаря этой системе надобность финального ЕГЭ по окончании обучения отпадет, а в распоряжении вузов и компаний-работодателей будет намного более подробная и достоверная информация о выпускниках школ. Не менее важно, что школьники получают возможность реализовать себя в новых видах соревнований, и каждый сможет стать лидером в одной из бесчисленных дисциплин будущего.

Пример из настоящего

Соревновательный подход уже сейчас используется американским проектом TopCoder и российским CodeForces в области онлайн-соревнований по программированию. Каждую неделю в течение нескольких часов участникам по всему миру предлагается решить ряд задач. Написанные ими алгоритмы проверяются в режиме реального времени автоматизированными тестирующими системами, и лучшие программисты зарабатывают баллы, борясь за верхние строчки рейтинга. Этот рейтинг – куда более авторитетная оценка способностей программиста, чем средний балл в дипломе технического вуза.

Обучение в ходе просмотра массового кино

Вы смотрите фильм с потрясающей игрой актеров,

непредсказуемым сюжетом и захватывающими спецэффектами. На экране происходит все то, что вы привыкли видеть в качественном кино, однако детали фильма прорисованы с научной точностью. Речь персонажей из Китая – действительно на китайском, без акцента и посторонней чепухи. Здания и пейзаж действительно соответствуют заявленной в сюжете эпохе и культуре. Отсылки к явлениям квантовой физики или теории суперструн – основаны на фактах, а не на фантазии.

Представьте, что наряду с коммерческим продакт-плейсментом в популярных фильмах появляется образовательный продакт-плейсмент – явление, при котором в ходе просмотра очередного блокбастера вы сможете почерпнуть объективные данные об окружающей вас действительности.

Наряду с рейтингом ESRB, для ограничения минимально возможного возраста зрителей, вводится новый образовательный рейтинг, который определит достоверность фактической составляющей фильма.

Этот рейтинг может присваиваться как международной организацией вроде UNESCO или Wikimedia, так и независимо в рамках министерств отдельных стран. С помощью налоговой политики можно стимулировать создание или распространение на территории определенного государства именно тех фильмов, которые позволяют зрителям получать научно-достоверную информацию о мире.

Условием эффективности такого подхода будет привле-

кательность фильмов для массового зрителя, независимо от наличия в нем образовательной функции. Если научная насыщенность картины станет предлогом для оправдания его коммерческой несостоятельности, то затея обречена на провал. Картина не становится интереснее массовому зрителю из-за того, что базируется на достоверных фактах. Точно так же не делает ее интереснее логотип кока-колы.

Пример из настоящего

Голливудские фильмы пока не поражают воображение точностью научных данных, однако уже становятся стимулом для изучения вопросов, которые затрагивают. Например, «Храброе сердце» – фильм 1995 г. о борьбе Шотландии за независимость в XIII в. – вдохновил рядовых шотландцев заняться изучением истории своего народа. В итоге «Храброе сердце» спровоцировало массовое сжигание британских флагов по всей Шотландии и, по мнению ряда обозревателей, стало той искрой, из которой разгорелось пламя: сейчас шотландцы уже всерьез думают над проведением референдума о независимости.

Обучение через погружение в игровой мир

Представьте, что в рамках компьютерной игры вы попали во Флоренцию Эпохи Возрождения. Костюмы флорентийцев и здания города смоделированы в точности в соответ-

ствии с историческими данными о XV–XVI вв. По мере выполнения заданий в игре вы узнаете о порядках Медичи и познакомитесь с реальными историческими персонажами вроде хитроумного Макиавелли и изобретательного Леонардо. Вы беседуете с местными жителями и полностью погружаетесь в эпоху расцвета Флоренции, слушая диалоги на итальянском с субтитрами на вашем родном языке. К созданию игры привлечены историки, археологи, культурологи, лингвисты, и на ее разработку потрачены миллионы долларов.

Если это для вас звучит как утопия, вам будет интересно узнать, что такая игра уже существует, называется *Assassin's Creed II* и является одним из самых востребованных и коммерчески успешных игровых проектов в мире. Стоит ли говорить, что группа энтузиастов из создавшей игру монреальской студии сделала больше для передачи подрастающему поколению знаний о гвельфах и гибеллинах, чем все мировые доктора исторических наук, взятые вместе.

Разумеется, сегодня историческая достоверность при создании компьютерной игры – это скорее жест доброй воли со стороны ее создателей, чем общепринятая практика. *Assassin's Creed II* является исключением, но и этот проект умело играет с белыми пятнами в истории, вкладывая в достоверный мир мистический сюжет о борьбе Ордена тамплиеров и ассасинов. Однако сказка о смелости и справедливости, созданная на грани исторической правды разработчиками игры, ничем не хуже сказок, которыми под видом объек-

тивных данных потчуют нас наши правительства с их официально одобренными концепциями истории.

Конечно, государственные служащие никогда не смогут создавать игры, подобные Assassin's Creed. Однако государства смогут вводить налоговые льготы для продажи игр, создатели которых стремятся помимо развлекательной информации передавать образовательную.

Пример из настоящего

Оригинальные версии современных игр могут стать отличным подспорьем в изучении английского языка. Некоторые мои друзья признаются, что не выучили бы английский язык на таком высоком уровне, если бы не приключенческие серии Siberia, Broken Sword, The Longest Journey или The Secret of Monkey Island. Эти игры содержат десятки часов диалогов на английском языке с субтитрами. Сильное желание разобраться в сюжете и пройти игру до конца заставляет игроков осваивать языковые тонкости с двойным усердием.

Децентрализация и дестандартизация системы образования

В информационной экономике XXI в. востребованы уникальные специалисты с нестандартным образом мышления. Такие люди появляются в условиях существования множества абсолютно разных программ обучения, конкурирующих

между собой.

Прогрессивные государства будущего откажутся от чрезмерной стандартизации школьных программ, предоставив поле для эксперимента на местах. В условиях текущей экономической неопределенности и быстрых изменений чиновники от образования просто не могут знать, какие навыки и знания будут востребованы через 5 или 10 лет. Их деятельность по стандартизации школьных программ – опасная игра в рулетку, при которой будущее целой нации ставится на одно произвольное число.

Официальные учебные планы уже сегодня демонстрируют отрыв от реальности. Средний выпускник современной российской школы практически не владеет ни русским, ни английским языком. А между тем все, что нужно эффективному члену информационного общества, – это владение этими двумя языками, а также навыками арифметики. Если система не справляется даже с этой базовой задачей, нет смысла обсуждать ее успехи в распространении знаний об инфузории-туфельке.

Нынешняя централизация образовательных программ является наследием тоталитарной эпохи, для поддержания которой была необходима массовая идеологическая обработка подрастающего поколения. Тоталитарному государству было важно делать детям прививку господствующей доктрины, навязывая «правильный» взгляд на историю, экономику и литературу. Однако в условиях информационно-свободного

общества насильственная идеологическая обработка лишь подрывает доверие ко всей системе.

В новый информационный век родители будут иметь возможность выбрать для своих детей школу, построенную на любых принципах и идеях. Социальные государства будут финансировать обучение детей в выбранной родителями школе независимо от практикуемой ею программы. Либертарианские же правительства устроятся от системы образования вовсе и ликвидируют связанные с ней налоги, чтобы предоставить родителям финансовую возможность самим оплачивать обучение детей в выбранной форме.

Многие школы будущего станут экспериментальными площадками наподобие технологических стартапов. Результатом работы некоторых из таких школ будет оглушительный успех, другие закончат свою историю колоссальным провалом. Количество неизвестных огромно, и путь в будущее лежит только через эксперимент. Одно можно сказать точно – среднее образование XXI в. станет значительно более разнообразным и интересным.

Источник: www.Slon.ru

С. М. Гуриев, О. Цывинский.

Высокодоходная личная инвестиция

Почему, жалуясь на низкое качество высшего образования, российская молодежь все-таки поголовно стремится в вузы? Почему, несмотря на разговоры о дефиците рабочих и перепроизводстве экономистов, юристов и менеджеров, выпускники по-прежнему стремятся поступать на эти специальности в вузы? Ответ прост – выпускники российских вузов получают гораздо больше, чем их сверстники без высшего образования. Даже в России личные инвестиции в высшее образование приносят 10 % годовых, а по некоторым оценкам, и больше. Возможно, если бы высшее образование было более качественным, его доходность была бы еще выше. Но и сейчас спрос на выпускников вузов достаточно высок, чтобы оправдать получение высшего образования.

Чтобы измерить ценность образования, экономисты используют уравнение Минсера: по большим массивам данных оценивают зависимость зарплаты от образования, возраста, опыта работы, пола, специальности и т. д. Если оказывается, что при прочих равных (возраст, опыт, пол, профессия) работники с дополнительным годом образования получают на 10 % больше, то как раз и выходит, что доходы от образования составляют 10 % годовых.

Означают ли результаты оценок уравнения Минсера, что

образование – это очень выгодное и надежное вложение? Уравнение Минсера показывает только корреляцию более высокого уровня образования и более высоких доходов, но не причинно-следственную связь (получение высшего образования приводит к более высоким доходам). Возможно, более (генетически) талантливые люди и более производительны, и с большей вероятностью получают законченное высшее образование. Как это проверить? В классической работе 1994 г. американские экономисты Орли Ашенфельтер и Алан Крюгер исследовали 298 однояйцевых близнецов. По определению у близнецов одинаковые начальные условия, так что различия в их зарплатах определяются именно различием в уровне образования. Оказалось, что в этом случае оценки доходности инвестиций в образование еще выше (12–16 % в год).

Конечно, качество образования тоже имеет значение. В только что опубликованной работе Педро Карнейро и Сокбае Ли показывают, что резкий рост количества студентов в США во второй половине XX в. отрицательно сказался и на качестве, и на доходности образования. Если в 1960 г. в разных регионах США высшее образование получали 20–30 % молодых людей соответствующего возраста, то к 2000 г. это соотношение выросло до 55–60 %. В то же самое время доходность четырехлетней степени бакалавра увеличилась с 20–30 % до 40–50 %. Если перевести это в доходы на год обучения, то получается, что произошел рост с 5–7 % годо-

вых до 9-11 % годовых. Но, по оценкам Карнейро и Ли, доходность выросла бы еще больше – на дополнительные 1,5 % годовых, если бы не снижение качества (вследствие роста количества студентов).

Насколько высока доходность образования в России? Оказывается, что и в России высшее образование приносит высокую доходность, и чем дальше, тем больше оно ценится рынком труда. Как показывает целый ряд работ (Брейнерд, Шейдвассер и Бенитез-Сильва, Городниченко и Сабирьянова-Питер), в начале 1990-х гг. доходность высшего образования составляла около 5 % годовых. Но во второй половине 90-х доходность начала расти и достигла 9-10 %. В 2000-х отдельные оценки (например, Денисовой и Карцева, Андрущак и Прудниковой) дают и более высокие результаты, причем высшее образование особенно ценно в инженерных, юридических и экономических специальностях.

Нам трудно оценить, насколько доходность высшего образования страдает от низкого качества университетов (резкий рост количества вузов не мог не сопровождаться снижением качества!) и студентов (сегодня в вузы поступает 70 % молодежи соответствующих возрастных групп). Трудно предсказать, что случилось бы, если бы Россия отменила призыв, который подталкивает к поступлению в вуз многих молодых людей. Тем не менее и в сегодняшних реалиях высшее образование приносит высокие доходы. Главная причина в том, что, несмотря на все жалобы на нехватку рабочих рук, сред-

няя зарплата для белых воротничков по-прежнему намного выше, чем для синих. Российский сектор услуг по-прежнему мало развит, требует все больше и больше сотрудников на всех уровнях и готов за это платить. А те, кто не получает высшего образования, являются жертвами еще менее качественного начального и среднего профессионального образования (ПТУ и техникумов или, в сегодняшних терминах, колледжей и лицеев).

В России многие считают, что высшее образование должно быть бесплатным. Экономические исследования показывают, что образование приносит 10 % годовых (с учетом инфляции). Это высокодоходная личная инвестиция. Кроме того, субсидии на получение высшего образования (или его бесплатность) помогают, как правило, не самым бедным слоям общества. Дети бедных, как правило, получают плохое среднее образование и не могут поступить в университет – тем более в хороший университет. Поэтому бесплатное высшее образование – это один из самых главных механизмов регрессивного распределения.

Высшее образование должно стать платным для тех, кто может за него платить. При этом государство может и должно тратить большие деньги на высшее образование, оплачивая его за тех, кто платить не может. Кроме того, государство должно субсидировать и страховать образовательные кредиты для тех, у кого нет денег сейчас, но кто сможет получить их в будущем.

Источник: Ведомости. 10.04.2012.

Проблема несоответствия структуры профессионального образования и рынка труда, в первую очередь «навеса» высшего образования невысокого качества (85 % возрастной когорты 15–25 летних).

Предлагаемые меры по ее решению:

- Отказ от устаревшего механизма государственного задания в бакалавриате/специалитете; вузы финансируются по принципу «деньги следуют за студентом» в пределах лицензионных ограничений, при этом право на бюджетное финансирование получают студенты, сдавшие ЕГЭ по профильному предмету на «хорошо» и «отлично» (больше 50 и больше 70 из 100).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.